

18+

Татьяна Раутиан

Рассказы бабушки Тани

Книга вторая

Татьяна Раутиан
Рассказы бабушки Тани.
Книга вторая

«Издательские решения»

Раутиан Т. Г.

Рассказы бабушки Тани. Книга вторая / Т. Г. Раутиан —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-989094-8

Вторая книга из серии «Рассказы бабушки Тани» — это воспоминания о первых днях войны, обо всем, что пришлось пережить после эвакуации из Ленинграда. Работа на заводе, в колхозе и на лесоповале. Возвращение домой, учеба в Ленинградском университете, спорт, любовь... Автор этой книги Татьяна Раутиан — сейсмолог, кандидат физико-математических наук, спортсменка, фотограф, бабушка восьми внуков, редактор сайта «Семейная мозаика». В оформлении использованы рисунки автора и фото из семейного архива.

ISBN 978-5-44-989094-8

© Раутиан Т. Г.
© Издательские решения

Содержание

Война началась	7
Двадцать второе июня	7
Большой обман	8
Врать нехорошо	9
Война в Европе	10
Собираемся в дорогу	11
Володеньку увозят	12
Колокольчик	13
Конная тяга	14
Барский дом	15
Серуха	16
Подножный корм	17
Сенокос	18
Зайка	19
Метать стога	20
Муся и Люся	21
Руководить коллективом	23
Шушкардом	24
Мы – «выковырянные»	25
На саночках	25
Осваиваемся	26
Запах хлеба	27
Восьмой класс	28
«Выковырянные»	29
Мама уезжает	30
Библиотека имени Герцена	31
Ножки мои, ножки	32
Черемша	33
Вверх по Вятке-реке	34
Деревня Муша	35
Лен теребить	36
Стопудовый урожай	37
Молотилка и рябина	38
Деревенские мужчины	39
Баретки	40
Вниз по Вятке-реке	41
Военный завод	42
Сарс	42
Меновая торговля	43
Монгольские кони	44
Работа	45
Заводская столовая	46
Соль, спички, мыло...	47
Немного технологии	49
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Рассказы бабушки Тани

Книга вторая

Татьяна Глебовна Раутиан

Редактор Мая Халтурина

Корректор Елена Пылаева

© Татьяна Глебовна Раутиан, 2020

ISBN 978-5-4498-9094-8 (кн. 2)

ISBN 978-5-4498-5827-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Война началась (1941, Питер—Николо-Полома)

Двадцать второе июня

Мама больна, сердце. Она в городе. Папа с ней. Мы на даче, в деревне на Карельском перешейке, с няней и тетей Таней. В субботу папа приехал, и мы договорились рано утром пойти в лес. Выбрались действительно очень рано. Зашли в какое-то особенное болото, нетронутое, красоты необычайной. Кочки, из них фонтаном – трава. А между кочками – мелкая прозрачайшая вода.

«Остановитесь, приглядитесь к жизни этой воды», – говорит папа. И действительно, там своя жизнь. Плавунцы мощными взмахами своих весел то ныряют вниз, то всплывают, выставив брюшко. Как мошки толпятся дафнии. Стайками проплывают маленькие рыбки. Представляешь себе, что это – огромный прекрасный мир. Водомерки бегают по крыше этого мира, голубые сверкающие стрекозы носятся над ним.

Солнце все выше, его свет пронизывает лесные дебри. Становится жарко. Пора домой. Вышли на тропинку. Вот и деревня. Выходим на площадь. Народ толпится у репродукторов.

– Что случилось?

– Война!

Как странно – ведь еще две недели назад газеты писали о «концентрации немецких войск». В газете «Известия» писали: *перемешки* (кто это?) говорили, что готовится нападение. На следующий день в той же газете было *опровержение ТАСС*. Все думали, все знали, все были уверены, что когда-то будет война. Но как-то не верилось, что и вправду. Что так скоро. Вот и мы – в начале июня спокойненько поехали на дачу...

И вдруг – война! Что же это? Бомбили спящий Киев. Какой ужас! А мы на даче. И где? Недалеко от границы. Что же теперь будет? Почему тогда опровержения? Наше лучшее в мире правительство – опять врет? Или ничего не знает?

Большой обман

Когда я догадалась, что нельзя верить газетам? Первый раз это случилось еще в Изюме, в 1937 году, когда шли судебные процессы над «врагами народа». Мне было уже одиннадцать лет, я читала газеты. Видно было сразу, что там все – вранье. Такое вранье, что почти смешно. И в то же время ужасно.

Я особенно запомнила случай с битым стеклом. Кого-то, не помню, обвинили в том, что он подсыпал битое стекло в сливочное масло! Чтобы погубить побольше людей... Я пыталась представить себе, как это было. Как взрослый, серьезный дяденька с портфелем крадется на молокозавод. А в портфеле у него – битое стекло. Подходит он к складу – там же сторож... Ну ладно, сторож может задремать или отойти на минутку. Но ведь замок! Тогда этот важный дяденька в шляпе достает из кармана – что? отмычку? Откуда у него отмычка, они же в магазинах не продаются?..

Ну ладно. Открывает замок. Вот масло. Я знаю – оно в больших картонных коробках, килограммов на десять. На складе холодно, масло твердое. Ну и как он будет запихивать эти осколки в твердое масло? И как потом это твердое масло перемешать? На складе темно. Он торопится, оглядывается – а вдруг сторож? И как коробку картонную опять закрыть, чтоб было незаметно?

А главное – заче-е-ем?! Ясно, что этого не было. Что это – вранье!.. Но что самое удивительное – подсудимые соглашались со всем тем бредом, в котором их обвиняли. Почему? Понять невозможно.

Вечером родители тоже читали газеты. Мама сказала: «Таня, ты читала? Не понимаю, зачем они это делали!»

Мама поверила?

Врать нехорошо

Потом время прошло, все это как-то не то чтоб забылось, но не вспоминалось. И вот опять в газетах началось вранье.

Три больших обмана.

«Дружба» с фашистом Гитлером. Ничего себе друг! Мы еще в детском саду знали про этого фашиста, кто он такой! Так что, нас уже тогда обманывали, что он враг? Или теперь обманывают, что он – друг?

«Финны стреляли по Ленинграду». И из-за этого якобы началась война с Финляндией. Вранье для идиотов! Мы же тут живем, в Ленинграде, мы же знаем – не было никаких выстрелов!

«ТАСС уполномочен заявить, что Германия вовсе не собирается на нас нападать». Откуда этот ТАСС знает, что немцы собираются делать или не делать? И что значит «уполномочен заявить»? Кто его уполномочил? А само правительство почему не говорит ничего? «ТАСС заявил» – а через три дня война началась. Опять вранье? А главное – зачем?

Были, наверно, и другие обманы, мы не знали. Но эти три – это был шок.

А ведь *врать – нехорошо!*

Война в Европе

Война в Европе уже давно шла. Но почему-то мы про нее мало думали. Наверное, потому, что далеко от нас. И потом – что такое история, которую мы в школе учили уже который год? Сплошь войны! Столетняя, Тридцатилетняя... Получалось так, будто война – это всегда. Это нормально. И папа с мамой никогда с нами об этом не говорили. Наверное, им было просто некогда даже думать об этом. Они все время о своей работе думали.

С самого раннего детства я слышала от папы, что его дед – финн. Папа любил финские лыжи и финские лыжные ботинки – мягкие *пъексы*. Папа пел нам мужественные песни и арии, может быть, и не финские вовсе, но северные, скандинавские. «О скалы грозные дробятся с ревом волны», «Нелюдимо наше море» и так далее. По-фински сам папа не говорил, знал только несколько слов: «тере-тере», «пойга», «юкс», «какс» и так далее. Мы знали, что наша фамилия происходит от слова «раута» – «железо». Мы радовались, что финны после революции стали независимыми. Вот молодцы!

И вдруг – война с Финляндией! Которая началась с вранья. Хоть и вранье, но война! «Чужой земли мы не хотим ни пяди...» Такая была песня. Тоже вранье. Даже не пядь, а целую Финляндию «захотели».

Стояли жуткие морозы. Мы жалели наших красноармейцев, которые мерзли в своих сапогах и шинельках. Мы гордились финнами. Они не испугались, они защищали свою страну. Об их солдатах заботились, они были тепло одеты. Когда эта финская война окончилась и у финнов все-таки оттяпали Карельский перешеек – ни один финн не остался на этой территории! Они все бросили и ушли. Так и вижу: сидят за столом люди, семья. Обедают. Вдруг сообщили, что эта местность отходит к СССР. Встали, положили ложки – и ушли!

Когда началась финская война, появились очереди за хлебом и продуктами. Давали всего понемногу в одни руки. Макарон, например, полкило в одни руки. Почему? Что такое полкило макарон для нашей семейки?

Мы целой командой отпраивались в очередь рано утром, до школы, до открытия магазина. Очередь выстраивалась. Потом появлялись милиционеры и разгоняли ее. Как только они уходили – все бросались к стенке, стараясь занять место поближе «к заветным дверям». Мы-то ловчее всех, нам даже интересно, это как игра. А вот как старушкам? Стыдно. Это мы прибегаем первыми. Это мы оставляем старушек в хвосте. Урок несправедливости: «Мы не виноваты, что они оказываются в хвосте...» Получается, что мы не виноваты, хотя виноваты, конечно.

И еще: очередь – это ведь порядок. Зачем разгонять? И у нас в голове милиция из нашего «защитника», как объясняла нам мама, превращалась в противника. Который разрушает порядок. Которого не победишь. Но перехитрить можно.

Ну ладно, это была финская война. Она уже кончилась. А теперь что делать?

Собираемся в дорогу

Как только объявили войну, мы из деревни сразу вернулись в город. Затемнение. Всех детей до пятнадцати лет эвакуируют. Со своими «учреждениями» – с яслями, детсадами, школами, со своим классом.

Мама лежит и отдает указания, кому что делать. Надо собрать вещи. Выстирать, сделать метки и пришить их. Что брать? Иду в нашу школу. Там объявление: взять по две пары белья, немного одежды (платье, свитер, брюки и рубашку), осеннее пальто, шапку, ботинки, сандалии. Кружку и ложку, еды на дорогу на три дня. В объявлении написано, что *к осени война кончится* и мы вернемся, так что зимнего брать не надо. Почему так мало? Потому что самим нести, даже малышам.

В ушах звенят песни:

«Если завтра война, если завтра в поход,
Если темная сила нагрянет,
Как один человек, весь советский народ
За свободную Родину встанет!»

Раньше это была просто красивая песня. А теперь это про настоящую войну, про на самом деле.

Володеньку увозят

Начали все уезжать. Я провожаю Володеньку, самого маленького, ему всего год и два месяца. Его отправляют с яслями. Московский вокзал, плацкартные вагоны. В одной руке у меня мешок с вещами, на другой – Володя. Воспитательница стоит у входа: «Ну что же вы? Давайте ребенка!»

Отдаю. Володенька заплакал, боится незнакомой тетеньки. Она стала его качать – он испугался, его никогда не качали. Она сильнее качает – он сильнее плачет...

Я пытаюсь объяснить ей, что не надо качать, он боится. Но тетенька не слышит меня, качает его автоматически. Она беспокойно смотрит вокруг, не разбежались бы старшие, трехлетние, не остались бы в вагоне мамыши... Пересчитывает прибывших. Кого еще нет? Когда отправление?

Поезд трогается и увозит нашего Володеньку.

Почему мама согласилась отправить его одного, такого маленького? Отдельно от всех! Почему не со мной – мне уже было пятнадцать лет! Почему я не сказала ей, что так лучше, что я справлюсь? Почему бабушка не уехала с папой? А тетя Таня осталась, потому что не могла бабушку оставить одну... Все эти вопросы задаешь себе уже теперь, через столько лет... А тогда некогда было думать. Делали что велено.

Мама твердо верила и нам внушала, что *государство* лучше знает, что делать. Если каждый тут будет самовольничать... Домашние наши дела всегда решала мама. Ничего не обсуждалось. Может быть, с папой и обсуждалось. Но не с нами! Мы ведь – дети! Своих мнений у нас никогда не предполагалось. Мама лучше знает, как надо. Мама умеет все. И мама думает, что *правительство* знает еще лучше, как надо.

Через пару дней и я уезжаю. Хотя эвакуируют до пятнадцати лет, а мне уже исполнилось пятнадцать, но меня почему-то тоже берут. Вероятно, на всякий непредвиденный случай. Потому что младшие братья и сестры будут где-то поблизости, и в случае чего – это же война! – я смогу взять их как взрослая под свою опеку.

Мама говорит: «Таня, ты уже большая, если меня не станет – позаботишься о детях». Мамы не станет? Этого не может быть. И что значит – «позаботишься»?

Сейчас я думаю: кто это решал – брать меня или не брать? Не знаю. И почему меня взяли? Действительно ли потому, что где-то рядом младшие? Но не школа же решала. Школа могла и не знать ничего про наших малышей – они же в детском саду. Может быть, папа обсуждал это в школе? И все равно я оказалась не вместе с малышами. И даже не вместе с Юрой-Сереей. А «близко»: 100—200 километров. Это так же «близко», как тысяча или две тысячи...

Это всё соображения потом. Через много лет. А тогда времени была неделя, нас восьмеро. Мама лежит. Дает команды. Мы бегом исполняем. Думать некогда. А нам и не положено думать. Мы – дети. Мы – хорошие, послушные дети.

Колокольчик

Я уезжаю последняя, 3 июля. Мы грузимся в «теплушки». Почему-то никто не боится. Про войну не думаем даже. Едем, как в лагерь. Это товарные вагоны, с двух сторон – нары. На нарах ребята помладше, их мамы, несколько совсем малышей. Мы, старшие, на полу. Вечер, уже темно, младшие спят. Стучат колеса, дверь приоткрыта, видны звезды. В городе звезд не бывает.

Одна девочка знает множество песен и поет их с удовольствием. Поет тихонько. Это совсем другие песни, чем мы пели, не из кинофильмов. И не из опер. Какая-то непривычная задушевность:

«Войду я к милой в терем
И брошусь в ноги к ней.
Была бы только ночка,
Да ночка потемней!»

Мы прозвали ее Колокольчиком.

Утром завтракаем взятыми из дому припасами. Почему-то плавленый сыр оказался с томатом. А я не люблю помидоры. Фу какая гадость! – и сырок вылетает вон из окошка. Много лет потом – голодных лет – будет мне помниться этот сырок. Да не просто сырок, а жест. Выбрасывать еду!..

Проезжаем станцию Галич. Я не слышала раньше такого названия. От этого названия повеяло стариной, Русью, чем-то совсем другим, чем европейский Питер, чем полуукраинский Изюм, греческая Анапа. Колокольчик опять поет до глубокой ночи, мы слушаем как завороненные. Кто-то тихо засыпает. Ночь, тишина...

Конная тяга

И вдруг – стоп. Половина пятого утра. «Выходи! Приехали – станция Баклановка». Выходим, вернее, выпрыгиваем из вагонов прямо на траву. Поезд длинный, а платформа короткая. Раннее утро, сумерки, пронзительный утренний холод. Пробирает дрожь. У станции стоят подводы. До места, где мы будем жить, 25 километров. Распределяемся по подводам. Возчиков мало, меньше, чем телег. Попробовала ехать – трясет, спасу нет! Слезла. Наша лошадь – без возницы. Беру ее под уздцы и «веду». На самом-то деле это она, наверно, меня ведет.

Взошло солнышко, стало теплее. И вдруг просыпаюсь оттого, что споткнулась обо что-то. Останавливаюсь и ошарашенно гляжу вокруг. Мы с бедной моей лошадью стоим в чистом поле. Никого вокруг. Тишина. В телеге – пятеро малышей спят как котята. Где же мы? А-а, да вон она, дорога, – свернула в сторону. А я-то сплю на ходу и веду свою лошадку все прямо да прямо.

Выпустила из рук уздечку: «Но!» Лошадь с облегчением повернулась и пошла к дороге, догонять своих. Пристыженная, я пошла следом. Оказывается, лошади лучше соображают, чем некоторые задаваки, которые вздумали, что могут ими управлять...

Прибываем в Николо-Полому. Это село, там сельсовет. Остановка. Отдохнули немного – дальше поехали. Вдали показалась деревня.

Барский дом

Караван остановился на обширном дворе около двухэтажного белого дома с колоннами. Это бывший барский дом, в парке. Теперь в нем школа. Тут мы будем жить.

Мы – это человек триста, ребята из шестых и седьмых классов. Заведующая нашей базы – учительница. Она замечательная! Ее и не видно будто бы, но жизнь оказывается налаженной в любой момент. Все готово – и где мы будем жить, и чем кормиться, и что делать. У нее трое своих детей. Старший сын учится в нашем классе, дочка – в первом классе, а самой маленькой года два с половиной. Малышей было мало, их брали, только если их мамы ехали с нами и работали поварами и воспитателями. Эти мамы своих малышей всегда носили с собой. А заведующая наша своих почти и не видела. Малышку ребята нянчили. Посадят на плечи и катают, пока ей не надоест. Играют с ней. Такая жизнь ей нравилась. Она не хныкала и к маме не просилась.

Жизнь оказалась новая, необыкновенная и очень интересная. Завтрак. Это большие ломти деревенского круглого хлеба. И на лопуховом листе, заменявшем блюдец, кучка соленых маленьких рыбешек. Хамса. Самая дешевая рыбка. Я ее раньше видела в магазинах, в бочках. Но у нас ее никогда не покупали. Потому что это была не еда, а закуска к пиву.

Привезли целый воз соломы, раздали всем мешки.

– Набейте соломой, вот и матрас будет.

– Как это сделать?

– А очень просто. Постелить мешок на пол и сверху аккуратно и равномерно разложить солому. Потом все вместе свернуть рулончиком и... развернуть.

Попробовали. Солома была сверху – и вдруг непостижимым образом оказывается внутри!

Из классных комнат вынесли все парты. Мы приносим туда наши матрасы. В каждой комнате – 30 человек. Ночью матрасы расстилаются на полу, вплотную друг к другу, только посередине оставлен узкий проход. Если кому надо выйти – чтоб не по головам. Днем мы матрасы сворачиваем рулоном и укладываем валиком вдоль стен.

Мы, старшие, будем работать. И на кухне: дрова в лесу рубить и привозить, плиту топить, картошку чистить, посуду мыть. И в колхозе: сено ворошить, копны складывать.

Серуха

Особенно мы любили ездить в лес за дровами. В колхозе дали нам лошадь с двусмысленным именем Серуха. Это была старая костлявая коняга, имевшая в запасе множество лошадиных хитростей.

Вот, например, такая. Едем по дороге, высматриваем в лесу сухостой. Нашли – и сворачиваем в лес. В лесу дороги нет, стараемся ехать так, чтоб не «сесть на пенек». Серуха наша тут живо уши наострит, трудолюбиво наляжет в хомут – не остановить! И напрямиком наезжает на какой-нибудь пенек или куст. Телега застревает. А хитрунье того и надо: отдыхает, пасется себе с невинным видом.

У нас был только один мальчик, который умел запрягать-распрягать. Без него мы бы не съехали с пенька.

Работали по очереди и не каждый день. Когда свободны – ходили в деревню, покупали огурцы, мед. Ягоды на опушке собирали.

Подножный корм

Всегда я думала, что клубника и земляника – это одно и то же. Просто садовую называют клубникой, а лесную – земляникой. Но оказалось, что садовая – это на самом деле тоже земляника, только крупная, вкус такой же, но лесная вкуснее.

А есть еще дикая клубника. Так это совсем другая, хоть и похожая, ягода. Розовая, а не красная, вкус и аромат особенный, чуточку «парфюмерный». Встречается не часто, в перелесках, у дороги. Садовых таких не бывает вообще.

Неподалеку от нашей базы мы нашли большое поле с зеленым горошком. Вкусный! Председатель колхоза пришел и говорит:

– Ребята, я знаю поговорку «Репу да горох сеют для воров». Давайте договоримся. Вот на этом поле, что у поворота дороги, – все ваше, ешьте не стесняйтесь. Но – с краешку. В серединку не лезьте, а то весь горох потопчете и самим не хватит. А уж на том поле, что у опушки леса, – чтоб ни-ни.

Сенокос

Это особенная работа, как праздник. Такой обычай – выходит вся деревня, мужики косят, а бабы

«с граблями рядами
ходят, сено шевеля».

Солнышко, бабы поют... Хорошо!

Но это до войны так. А теперь война, мужиков нет, только старики. Так что теперь косят бабы, а «ходят, сено шевеля» – это мы, городские неумехи. Все нам надо втолковывать.

Зайка

А вот другая работа – клевер, уже высушенный. Маленькие копешки надо в большие копны складывать. Клевер этот твердый, корявый, скрюченный, весь сцепился. Чтоб его перенести, надо два длинных шеста под копешку подсунуть. Вдвоем – один впереди, один сзади – за эти шесты беремся, «раз-два – взяли!». Подымаем и несем как на носилках. Бегом-бегом! Потому что тяжело очень, а если бегом, то недолго тяжесть эту держать. И когда бегом-бегом, то наперегонки и весело. И вдруг из-под одной копешки зайка выпрыгнул! Мальчишки за ним вдогонку, рубашкой накрыли – готово, поймали. Принесли домой, в свою спальню, соорудили ему «домик» в ящике, морковку и траву туда положили. Стал зайчик у нас жить. Но через пару дней пришли – а его нет. А в ящике дырка прогрызена. Убежал. Ну и ладно, молодец. Действительно, что ему тут делать в темном ящике.

Метать стога

Сено высохло, завтра пора *метать стога*. Наша работа – сено возить. Нагружаем телегу – высокий получается воз. Целый день возим. Вот и вечер, стемнело. Загружаем последний воз. Забираюсь на самый верх, поехали. Воз качается как корабль в море. Лежишь, смотришь в небо, а там звезды... В городе звезд почему-то не бывает.

Стога метать – это особое искусство. Траву надо так причесывать, чтоб травинки лежали по радиусу и с наклоном наружу. Тогда дождь будет скатываться с него, внутрь не попадет, сено не погниет. Папа всегда показывал нам такие обычаи и называл их «физика в жизни». И я была очень горда, когда меня послали наверх «стог вершить», граблями его причесывать. Эта работа требует понимания.

Муся и Люся

Кроме сена есть еще одна еда для коров. Это силос. Вроде квашеной капусты, только вместо капусты – трава, а вместо бочек – яма. Скошенную зеленую траву туда сбрасывают, и ее надо примять хорошенько. Для этого по яме ходит лошадь. А на ней кто-то должен сидеть. Работа для нас самая подходящая.

И вот получилось так, что один мальчик из нашего класса, которого звали Муся, ездил на лошади, которую звали Люся. Ну и ясно, все резвились: «Муся на Люсе» или «Люся на Мусе»...

Лет через восемь встретилась я с Мусей в нашей родной 178-й школе. Он уже был не Муся, а Моисей. Это было после войны, я уже училась в университете.

Вспоминали детство...

Моисей Цацкис. Встреча в Ленинграде в 1949 году

С завучем нашей школы на встрече выпускников

Руководить коллективом

Вернемся в наш родной колхоз. Оказывается, руководить – это очень даже непросто. Однажды досталась нам необычная работа. Надо было небольшое стадо перегнать из нашей деревни в другую. Недалеко – 25 километров. Но коллективчик в этом стаде подобрался – на удивление. Тут были телята, овцы, пара поросят, старый баран с крутыми, спиралью, рогами. Такая разношерстная публика не желала идти куда велено, а все время норовила повернуть назад, домой. Стоило попытаться собрать их в кучу, как тут же поросята, смешно забрасывая ноги вбок, начинали бегать кругами. А круторогий красавец баран и нрава оказался крутого. Только повернешься к нему спиной, как он наклоняет задумчиво голову и вдруг – короткий разбег, мощный толчок в попу. Бедный пастушок летит кубарем метра на три.

Но все-таки мы эти 25 километров преодолели за два дня.

Шушкадом

Наконец пришло письмо от папы. Они с мамой вместе со своим институтом и всеми сотрудниками уехали из Ленинграда. 10 августа. Они уже знали, что ясли, в которых был Володенька, эвакуированы в Костромскую область, в Шушкадом. И что ясли находятся в помещении школы рядом с железнодорожной станцией.

Папа потом рассказывал: ночь, четыре часа. Поезд остановился. Сколько он будет стоять, пять минут или пять дней, – неизвестно. Мама больна, лежит. Папа решается на отчаянный шаг. Один выходит из поезда и идет разыскивать Володеньку в яслях. Кого-то там из воспитателей разбудил: «Где наш Володенька?»

Заставил найти Володю ночью среди сотни других малышей. Схватил его. От большого мешка одежды не осталось почти ничего – папе сунули какие-то вещички, чужие, которые оказались под рукой. Подписывается документ о передаче Володеньки, и папа – бегом в поезд. Ведь он в любую минуту может тронуться, и что тогда? Но – повезло. Поезд все еще стоял, и папа успел.

Володенька был очень болен, просто еле живой, у него уже десять дней был понос. Полтора года ему, а он не то что ходить не умел – даже голову не держал. Когда доехали до Кирова, нашли хорошую докторшу, и мама начала по ее указаниям лечить Володеньку. Никаких антибиотиков тогда не было. Желудевый кофе, свежие сливки, творог... Выходили!

Мы – «выковырянные» ***(1941—1942, Киров—Муша— Киров)***

На саночках

Теперь надо всех остальных детей собрать. Мы все в разных местах, пришлось делать несколько рейсов. И тут не повезло Сергею. У него всегда любимой болезнью было воспаление легких. Но одно дело лежать дома, когда мама ставит свои замечательные компрессы, горчи-ники и банки.

А совсем другое, когда кусок железной дороги немцы разбомбили. И дальше надо пешком до города Буй – 75 километров. А мороз. А у Сереги температура 39, воспаление легких. А папа наш не молоденький, ему уже пятьдесят два года. Он уже второй раз голод переживает. Первый раз – в 1918 году.

И вот папа закутывает Серегу во все, что есть, кладет на раздобытые откуда-то санки и везет. Большого мальчика, которому почти тринадцать лет. На больших санях, где можно лежать, а не сидеть. 75 километров! Это невозможно даже представить себе.

Но папа выдержал и прошел эти бесконечные километры. И Сергей выдержал, не умер, не замерз. Они добрались до Буя, а потом на поезде еще 600 километров до Кирова.

Осваиваемся

Когда мы все собрались наконец в Кирове, наш Володенька уже начал вставать. В это время на рынке еще были продукты, так что он подкормился и окреп. Мама мне сказала, очень серьезно: «Таня, ты уже большая, если помру, Володенька будет твой сын». Мама действительно боялась, что с ней это может случиться. Сердце у нее давно пошаливало. Что с ней было, когда началась война? Тогда говорили «сердечный приступ». Что это значит? Мы не знали. Может быть, инфаркт? Тогда такого слова не было.

В это время многие терялись, не знали, что делать, рвались «домой, в Питер». Но мама точно знала, что делать. Ведь она помнила Гражданскую войну. Это же «недавно» было – всего лет двадцать назад. Она тогда приняла ответственность за младших братьев-сестер, за всю семью. И сейчас она знала, что главное – это запастись продуктами, что с каждым днем будет труднее. И организовала заготовку. Мы покупали на базаре ливер (легкие, печенку, сердце), варили, проворачивали через мясорубку, добавляли бульон и замораживали. Холодильников тогда вообще не было, но морозы в Кирове наступили очень скоро.

Однажды мама обнаружила в хозяйственном магазине кедровое масло, очищенное. В хозяйственном? Да! Оно предназначалось художникам, для разведения красок. Мама купила бутылочку, мы распробовали – вполне съедобно. И скупила в этом магазине весь их запас. Не так уж и много: 92 бутылочки.

Запах хлеба

В Кирове школьные здания были заняты госпиталями – сюда привозили раненых. А классы размещали в самых разных помещениях. Юра учился в фойе кинотеатра. Мой восьмой класс был в помещении мастерской по починке обуви. Места там было мало, поэтому занятия проходили в четыре смены. Моя смена была четвертая: с семи вечера до двенадцати ночи.

Возвращаюсь из школы. Ночь, звезды, мороз. Снег скрипит под ногами, громко, просто на весь город. Иду через базарную площадь. Днем там народ, а ночью – никого, тишина. И вдруг – запах горячего хлеба, просто оглушающий запах. Для голодного желудка непереносимо вкусный. Откуда? Догоняет меня санная повозка. Лошадь везет большие сани, на них – громадный ящик с хлебом. Везут его в магазин, утром продавать будут. Но этот запах! И у меня в голове как будто сон: я «вижу», как я догоняю сани, открываю дверцу этого ящика и хватаю две – только две! – буханки... Но, конечно, это только мечта, только сон наяву. Никуда я не бегу, не догоняю этот горячий хлеб. Не могу же я его украсть. Но могу же я помечтать...

Восьмой класс

Анатомию прочитала за пару дней в начале года – а что там учить, там и так все ясно. Это вам не математика и не язык. Анатомия и физиология дополнялись медицинскими упражнениями. Как делать перевязки. Как переносить раненых. Что-то было и про сельское хозяйство. Знали бы мы, что придется в поле работать, – кое-что постарались бы выучить получше.

Мы очень дружно не хотели учить немецкий: «Вражеский язык, мы его ненавидим!» Это, конечно, чистой воды спекуляция. Если есть шанс чего-то не учить – как упустить такую возможность!

«Выковырянные»

Уже возникло и прижилось это слово. О великий и могучий! Если он переиначит умное заграничное слово вроде «эвакуированные», которого не произнести русскому человеку, – получается в точку. Конечно, мы и есть выковырянные из родных мест.

Оказалось, что существует два главных типа людей: «выковырянные» и местные. Вот, например, в школе нам давали не горячие завтраки, конечно, а по две маленькие серые кругленькие булочки, граммов по сто каждая. Без карточек! Для «выковырянных» это *дополнительный паек*. А местные стали кидаться этими булочками, как, бывало, в пионерском лагере – подушками. Просто так. Для смеха. Не по злобе. Они же не догадывались, что наши голодные глаза смотрят на булочки – дополнительные! без карточек! – которые падают на пол...

Еда – это не просто так. Это жизнь. А мамыны гигиенические правила гласят: «Что на пол упало – то пропало». Да и без того – мы ведь не можем поднять то, что сосед по парте бросил на пол. Мы молча смотрим. Мы унижены.

А я еще помню свой сырок с томатом, который вот так же бросила. Даже не на пол, а вообще.

Мама уезжает

Ну вот, все вместе, Володенька спасен, продуктами хоть и не очень, но запаслись.

Но ведь взрослые всегда работают. Как же иначе! А что моим папе с мамой делать в Кирове? Они уехали сюда со своим институтом, Главной палатой мер и весов. В Питере все было понятно – они в этой палате занимались созданием стекольных и цветовых стандартов. А тут, в Кирове, это проверка гирь в магазинах.

Делать было нечего. А мама не в состоянии сидеть и ничего не делать. Ведь война и надо помогать фронту! И мама пишет разным влиятельным людям. Наконец – ответ. Мама объявляет свое решение: «Я еду в Пёстровку. Это в Пензенской области. Там завод оптического стекла. Пока поеду одна, а когда устроюсь – заберу вас. А папа пока останется с вами».

И напомнила мне: «Если я помру, Володенька – твой сын».

Библиотека имени Герцена

И мы остались в Кирове. Раньше город назывался Вятка. А переименовали его в 1934 году, после убийства Кирова. Так он и называется до сих пор.

Жили мы на Милицейской улице, дом 50. Это деревянный двухэтажный дом. Дров нет почти. Дома было холодно, и я уходила в городскую библиотеку. Это замечательное большое здание. Одним из основателей этой библиотеки был Герцен. Он жил в Вятке в ссылке. Служил в канцелярии губернатора. А позже в Вятку сослали Салтыкова-Щедрина. И он даже был правителем губернаторской канцелярии. Но я тогда знать не знала и ведать не ведала, что во время войны, одновременно со мной, в Кирове был один мальчик, эвакуированный из Питера, – Талик Халтурин. И что когда-нибудь мы оба вернемся в Питер, поступим в университет, познакомимся, поженимся и уедем вместе в Гарм...

Тогда я знала только про Герцена и Салтыкова-Щедрина. И решила, что мне надо прочитать книги классиков, имена которых я слышала, но у нас дома в Ленинграде их книг не было. Прочитала всего Тургенева, Лермонтова, Некрасова, Гончарова. Сейчас не помню имен героев и сюжетов – но кажется, что представляю себе это время, середину 19-го века... Вижу этих людей, как они ходят, как общаются, как говорят. Не так, как мы, и даже не так, как взрослые. Оказалось, что Лермонтов – это совсем другой мир, чем Тургенев-Гончаров. Обломова я не поняла. Что это за человек?! Ничего не хочет делать! Это невозможно представить. Так и лежать на диване целый день? Или всю жизнь? Байрона я попробовала – и не одолела. Очень понравился Лессинг. Почему-то никогда потом мне не попадалось это имя – Лессинг.

А еще прочитала пьесу Шекспира «Венецианский купец». О ростовщике, который давал займы деньги. А тот, кто взял, подписал обязательство, что отдаст. И если не сможет отдать деньги, то отдаст *фунт собственного мяса*. Оба, конечно, надеялись, что до мяса – ха-ха! – дело не дойдет. Но – дошло. Не помню, чем дело кончилось. Это было уже неважно. Наверно, сказка о попе и Балде – о том же. Но в «Балде» все как-то по-сказочному весело и не всерьез. А фунт мяса – это как? Твое тело, кусок тебя – превращается в какое-то постороннее тебе «мясо»? Какой-то бесконечный средневековый мрак... И нет выхода. Нет выхода. Нет! Обещал – отдай.

В библиотеке занимались курсанты Военно-морской медицинской академии. Помню, они всегда брали огромные альбомы с нарисованными органами тела. В том числе – с неприличными органами. Это все были молодые красивые мальчики. Что делать – эти органы, наверно, тоже как-то болеют. Но это ужасно неприлично.

В городе говорили, что курсанты получают хороший паек: 25 граммов сливочного масла! У нас сливочного масла не было. Но им надо – ведь они окончат свою академию и пойдут на фронт. Им нужны силы. Там врачи работают день и ночь...

Ножки мои, ножки

В городе стали давать без карточек суп с галушками и костный бульон. Но надо в очереди постоять, часа два. А зима была жутко морозная. И вот ножки мои простудились. Не заморозились, а простудились – распухли, воспалились, болят, ходить не могут. И папа меня, такую большую, взрослую, тяжелую – пятнадцать лет! – на саночках стал возить в больницу, куда-то на горку. Там меня грели по-всякому – горячей лампой, горячей ванной. И постепенно все прошло. Но оказалось, что не совсем. Потому что силы в моих ногах *никогда* уже не было. Не только теперь, когда мне девяносто с хвостиком, а и тогда, когда была я молоденькая, от двадцати до семидесяти.

Черемша

Но вот и весна наступила. Оказалось, что за Вяткой-рекой, в лугах, есть черемша – дикий чеснок. Он очень рано выпускает свои жесткие перья, похожие на зеленый лук. И девочки старшие, Алена-Ксана, стали ходить за реку лук собирать. Алена продавала его на базаре и даже накопила денег на буханку хлеба!

Вверх по Вятке-реке

Кончился учебный год. Всех учеников начиная с пятого класса направляют в колхозы. Мы едем каждый со своим классом. Мы – это я и Серега. Юра болел и не мог поехать. Погрузили нас на баржу. Тянет нас буксирчик по Вятке-реке. Вниз по карте, вверх против течения. А навстречу нам – другие буксиры тянут другие баржи, вверх по карте, вниз по течению. Там – люди. Говорят – это беженцы из Сталинграда. А мы и не знали, что фронт дошел до Сталинграда... Это же так далеко...

Проезжаем город Советск. Потом Уржум. Это знакомый город. Мама и ее братья-сестры жили там в голодное время, в 1918—1919 годы. А еще мы читали книжку про детство Кирова – он родом из Уржума.

Деревня Муша

Высаживаемся и едем куда-то вглубь. В глушь. Мы будем жить в деревне Мушá, с французским таким ударением. В Мушé. Кормить нас будет колхоз, хлеба в день по буханке на человека. Буханка – круглая такая, деревенской выпечки. Примерно килограмм. Что еще мы ели – не помню. Разве что ягоды, рябину. Никакой столовой не было. Хлеб только помню. Наверно, больше и не было ничего.

Самое трудное – это разделить свой круглый хлебец на три части, а не съесть сразу. Получаем его утром, еще теплый. И целый день носим с собой. Ведь иногда могут среди дня послать куда-нибудь на другую работу. Иногда не выдерживала: откусывала, отщипывала, и он как-то к «обеду» уже исчезал.

Лен терebить

Это была наша первая работа. Мы не знали, что это значит – *терebить*. Оказывается, лен надо не срезать, как рожь, а выдергивать. Он легко выдергивается, но стебли такие жесткие, что пальцы разрезать ничего не стоит. Самое трудное, что работаешь внаклонку. Брать пучок надо у самой земли. Мы не привыкли. Через полчаса спину уже не разогнуть.

Бригадирша отмерила каждому делянку – норму за день. Говорит: «Я вам пока половинную отмерила. Как применитесь – полную задам».

Потом рожь жали, серпом. Девочки боялись серпа. В школе мы учили стихотворение Некрасова, там «баба порезала ноженьку голую, некогда кровь унимать». А здесь бабы так ловко управлялись серпом, что им порезаться никак невозможно. Какая-то неумеха Некрасову попалась.

Я тоже серпа не боялась. Потому что в школе на уроках, когда скучно было, вырезала узор на карандашах опасной бритвой. Хоть и называется «опасная», но это только для тех, кто не умеет.

С нами, со школьниками, была незнакомая учительница. Молодая, маленькая, тощенькая, неумелая. На все работы она тоже ходила, но получалось у нее хуже всех. Было ее очень жалко, как больного ребенка.

Стопудовый урожай

Рожь стояла высокая, густая, зеленая еще. «Точно сказать нельзя, но сто пудов будет», – говорит бригадирша. Сто пудов с гектара. Сто пудов – это полторы тонны примерно, 1600 килограммов. А в гектаре десять тысяч квадратных метров. Вот прикидываем, сколько зерна в квадратном метре, сколько поклонов с серпом, чтоб получилась буханочка. Теплая, вкусная, ничего нет вкуснее, и хочется съесть ее сразу.

Бригадирша ходила. Сорвет колосок, посмотрит, пожует – нет, не готова еще. «Молочная». За несколько дней рожь пожелтела вся. Вот и готова. Нам снова дают урок. Показывают, как жать, как снопы вязать, как копны ставить, чтоб не осыпались, чтоб от дождя не промокли. Смотрим. Слушаем. Стараемся. Древняя технология, бережная. Зерно не осыпается, и солома не мнется. Ведь солома – это еще и новая крыша. Мятая не годится. Это не так, как комбайны работают, – те и солому ломают, и в поле керосином воняют...

Молотилка и рябина

И молотить пришлось. На бугорке – четыре столба и крыша. Под ней – молотилка и веялка. Кто ручку крутит, кто снопы распутывает и в молотилку сует. Молотилка – самая опасная женская работа. Если волосы, или платок, или что-то еще в нее попадет, то может всю туда затянуть. А там, внутри, – мясорубка.

Рядом с этой молотилкой – дерево, рябина. Ягоды крупные, розоватые. Горькие, конечно, но не очень. Есть можно. Едим и домой прихватываем.

Очень вкусно!

Деревенские мужчины

Мужиков настоящих в деревне совсем не осталось. Или старики, или дети. Подростки, которым по пятнадцать, – парни уже считаются. За нами, городскими, ухаживают. Угощение вечерами в окно бросают: семечки, турнепс. Турнепс – это кормовая культура. Для скота. На вкус – редиска, по форме – морковка, по весу – килограмм, а то и два. Вкусно до невозможности. Сочная и не такая горькая, как редиска.

Ухажеры частушки нам поют. Неприличные до смеха. Помню их, но не решаюсь написать.

Одного «мужчину» я забыть не могу. Он еще и не парень даже, ему двенадцать лет, а на вид – десять. Отец убит на фронте, мать инвалидка, работать не может, младше него еще трое. Он их кормилец. Всю мужскую работу работает – и с лошадьми, и все остальное. Красоты – ангельской. Есть картина «Портрет сына» у художника Тропинина (который сам был крепостной). Такой же нежной красоты мальчик. Да и просто похож. Но у того был отец. А этот наш – сам кормилец. В деревне его уважают и величают по отчеству. Самостоятельный. Мужик. Кроме него некому семью тянуть. У многих и такого нет.

Баретки

Лето короткое. Сентябрь к концу подходит, а полевые работы еще не кончились. В Ленинграде нам велели брать с собой сандалии. Но я взяла то, что было, – баретки. Кто теперь знает, что это такое? Это по форме мужские полуботинки, но не из кожи, а из брезента, точнее, из тряпки, отдаленно похожей на брезент. И как-то незаметно оказалось, что брезент этот рвется, пальцы лезут наружу. Надо бы поберечь обувь – домой-то в октябре. Начинаю беречь в сентябре, когда уже и беречь-то там почти нечего. Хожу босиком. По стерне.

Знаете, что это? А это засохшие жесткие острые палочки, которые остались от сжатой ржи или того хуже – от клевера. Они торчат и ногу протыкают запросто. Ходить приходится как на лыжах, чтоб не наступать сверху на «гвозди» эти, а сгибать их.

Сентябрь. Вятская земля – еще не Сибирь, конечно, но с утра уже иней. Вот и бежишь по колючкам, по инею, босиком, бережешь драные баретки.

Вниз по Вятке-реке

Конец лета. Перелистываем наши трудовые книжки, подсчитываем заработанные трудоводни. В моей книжечке написано, что с 25 июня до 30 июля заработала я 21,4 трудоводня. А с 1 августа до 15 сентября есть записи за каждый день. Например: 2 августа, уборка льна, 0,5 трудоводня. А 11 августа, тот же лен, – уже 2 трудоводня! Научилась! В конце – итог: за все 80 дней, минус пять выходных, заработала 79,25 трудоводня.

Сколько получим на них, чего и когда – неизвестно. Председатель говорит: «Не беспокойтесь, вы все свое получите. Адреса ваши я записал. Сколько на трудоводень – узнаем, когда рассчитаемся с государством».

Домой! На подводах к Вятке-реке, потом опять на баржу с буксиром. Вниз по течению, вверх по карте до Котельнича. Однако холодно, сентябрь к концу. Баржа «не отапливается». От Котельнича до Кирова – поездом.

Дали нам товарный вагон. Прицепили к какому-то поезду. Едем. Ночь. Вообще-то название этих вагонов – «теплушка» – вроде бы намекает на какое-то отопление. Но его нет, конечно. Сидим кучкой, «греем» друг дружку. Подремываем. Опять остановка. Где мы? Темень. Что-то очень уж долго стоим...

Открываем дверь. Мокрый снег валит, вагон наш никуда не прицеплен. Ничего себе положеньице! Теряем бедную нашу учительницу. Хотела она как-нибудь отбиться, подождать до утра. Но мы уже не можем. Дом-то близко. Пошла она искать кого-нибудь. Нашла. Прицепили. Еще постояли. Поехали.

Вот и Киров. Пять утра. Мокрый снег лежит, сантиметров двадцать. Пальчики мои с любопытством из бареток выглядывают. Большой – в свою дырку, мизинчик – в свою. Выпрыгиваю – плюх! – снег пополам с водой. Иду домой, Милицейская, 50. Надо сказать, что ноги мои натренировались по холоду. Горячие – или это опять воспаление какое-нибудь?

Вот и наш дом. Папа открывает дверь:

– Бедная моя девочка, давай скорее я твои ножки погрею!

– Что ты, папа, все в порядке. Они горячие, смотри.

Папа один дома. Все уже уехали с мамой в новое место: Завод Сарс. Мы тоже поедем. Вот только дождемся Сережу.

Военный завод (1942—1944, Сарс)

Сарс

Завод Сарс – это название не завода, а поселка. Завод назывался №542 НКВ, то есть наркомата вооружения. Тогда этих «буржуйских» министерств еще не было, а были революционные народные комиссариаты. Завод варил стекло для биноклей, танковых призм и так далее. До войны это тоже был стекольный завод. Они бутылки делали. Тогда он и назывался Завод Сарс. Находится поселок на реке Сарс, около Красноуфимска, в Щучье-Озерском районе.

Все фотографии Сарса сделал Николай Сулима, мамин коллега

Поселок состоит из самого завода и деревянных жилых домов. Было и несколько двухэтажных, тоже деревянных. Мы жили в одной из этих двухэтажек. Комната и кухня с русской печкой и полатами. А народу нас – одиннадцать душ. Папа, мама, восемь детей и не «грузовик», а няня баба Дуня. Спали на печке, на полатах, на полу, на столе, под столом. Как-то помещались.

Меновая торговля

В школу мы пошли во вторую четверть, потому что приехало наше семейство в Сарс осенью. У всех, кто был тут и летом, была уже своя картошка-морковь-капуста. А у нас – ничего. Поэтому заводское начальство разрешало нам брать лошадь, чтобы ездить в деревню и там менять что-нибудь на еду.

Сначала мы меняли «лишнюю» одежду. Например, если у тебя три рубашки, то можно одну и сменять. Если только две – отдать одну из них труднее, потому что, пока вторую стираешь и она сохнет, в чем-то надо ходить.

Потом лишние одежки кончились. И тогда завод дал нам товар для обмена: спирт и соль. На заводе соль была сырьем для варки стекла, лежала в мешках и измерялась сотнями килограммов. А в деревнях и деревенских магазинах соли не было совсем. Ну один раз можно не посолить, второй. А когда соли нет совсем – это очень плохо. Местные колхозники выменивали соль на масло, баш на баш. Очень было стыдно так менять – а что делать?

Спирт мы разводили водой, чтоб получилось 40 градусов. Оказалось, что если смешать 500 кубиков воды и 500 кубиков спирта – то смеси получается вовсе не 1000! А всего лишь, не помню точно, ну например 950. Скажешь – вот еще новости! Как это может быть? А очень просто. Это то же самое, что мама мне объясняла про свою работу еще в Изюме. У воды и у спирта молекулы разные по размеру. Маленькие молекулы воды просовываются в свободное пространство между большими молекулами спирта.

Потом надо было сделать так, чтоб наша самодельная водка выглядела как настоящая, магазинная. Ну этикеток взять было негде – а горлышко мы заливали сургучом и прижимали пяточком – той стороной, где герб.

Как-то все это нехорошо, какой-то обман... Но приходится так делать, хоть и чувствуешь, что нехорошо. Дважды нехорошо. Второй раз потому, что понимаешь, а все равно делаешь.

Монгольские кони

Как вы понимаете, все грузовики были взяты в армию. А возить-то надо. Дрова к печам, сырье с железной дороги, готовую продукцию – на железную дорогу, да мало ли что еще. Взамен грузовиков дали заводу табун монгольских лошадей. Пригнали своим ходом. Маленькие, злые, совершенно дикие лошадки. Они раньше паслись на воле в табунах под водительством главного жеребца. Чуть что не по ним – визжат и кусаются. Они не то что телеги никогда не возили – а и уздечки не знали. Впрочем, знаете ли вы, что такое уздечка?

Нашлись на заводе умельцы, которые объяснили коням, что работать надо, иначе никак. Кони смирились, но точно знали свой рабочий день, восемь часов. И ни минутой дольше работать не хотели.

С конями непросто. Вот, помню, дали нам с Сережей лошадь, запряженную в сани. Зима, мороз, ночь, тьма. Нагрузили товар («лишние» одежды), покидали мешки для картошки. Поехали. Выезжаем на дорогу. В деревню ехать – надо свернуть налево, а на конюшню – направо. И вот коняга наша в своем праведном гневе за неурочную работу закусил удила и – направо, на конюшню, вскачь. Санки на повороте отцепились, мы вылетели вместе с ними в сугроб, а лошадка с передком – что есть силы, галопом, домой. Пришлось самим эти сани на конюшню тащить. Недалеко, километр всего. Никуда уже не поехали.

Были и другие приключения. Как-то раз мы с Сережей благополучно доехали до деревни, наменяли картошки несколько мешков, возвращаемся. А ночь, а метель! Все замело, заровняло. Дороги не видно. Мы понадеялись, что лошадь дорогу знает, – а она тоже сбилась с пути. Может быть, направление она выбрала правильное, а уж дорогу увидеть под снегом – этого и лошадь не может. Едем по каким-то буграм и ухабам. Сани наклонились, и мешки наши вывалились. Пришлось перепрягать, снова мешки на сани взваливать – а они не легонькие, надо сказать. А мы, как и лошадь, тоже после рабочего дня. Прознали бы про нас волки – нам бы не убежать. Но обошлось.

Работа

Варка стекла шла круглосуточно, поэтому работали в две смены. Рабочий день тогда был одиннадцать часов плюс час на обед. Это для простых рабочих. А у итээров, то есть инженерно-технических работников, рабочий день ненормированный. Их же мало, они не могут разделиться на две смены. А работу надо обеспечивать и днем, и ночью. И они работали поэтому как бы в обе смены. Из Москвы могли среди ночи позвонить на завод: «Где начальник цеха? Позовите!» Где он должен быть? Ясное дело – дома. Спит.

Завод – военный, поэтому те, кто работал, получали хлеба 800 граммов. На обычных заводах давали 600, детям до двенадцати лет – 400. А те, кто не работал, старики и подростки старше двенадцати, назывались «иждивенцы» и получали 250 граммов. Это так мало, что дети бросали школу и шли работать. На заводе работало 50—60 детей старше двенадцати лет. Мама обратилась в дирекцию: «Бросают школу! Этого нельзя допустить! Ведь тогда рухнет будущее целого поколения!» И она добилась, чтобы дети работали не одиннадцать часов, как взрослые, а шесть. И ходили бы в школу. У школьников рабочий день начинался не в восемь утра, как у всех, а в семь. Обед у взрослых был с двенадцати до часу. А дети работали до часу, потом обед, и в два часа дня начинались уроки в школе.

Юра приехал в Сарс раньше нас с Сергеем и уже работал пирометристом. Папа сказал, что это по-гречески «измеритель огня».

Сергей стал работать в столярной мастерской. Там делали ящики для готовой продукции. А готовая продукция – это результат работы всего завода. Если в дороге ящик сломается, то все насмарку. Ведь уже известно, куда пойдет это стекло. Например, на бинокли, которые делает оптико-механический завод. И представьте, сами бинокли изготовили – а стекло не доехало. Потому что разбилось в дороге. Потому что ящик оказался непрочным.

Правильный ящик для такого тяжелого и дорогого продукта, как оптическое стекло, сделать непросто. Сергей очень любил что-нибудь делать, и делать хорошо. Очень гордился этим. И учитель его, когда-то хороший столяр, а теперь однорукый инвалид, научил его делать ящик специальной, очень сложной и прочной конструкции. И заодно научил мебельному делу. В результате появился у нас дома стенной шкафчик Сережиной работы. Под орех, с филенкой, лакированный, все как надо.

Нужно и мне оформляться на работу. Пришла я в отдел кадров. Говорят – лаборантом. Забоялась ужасно. Лаборантом? Это же надо много чего уметь. Мне скажут – делай, ты же лаборант. А я не умею, стыдно: «Нет, я не могу лаборантом, а можно – учеником лаборанта?» Уперлась – ни за что лаборантом.

Ну ладно. Оформили учеником на месяц. И я весь этот месяц училась считать на логарифмической линейке, на арифмометре «Феликс», измерять поглощение в стекле прибором Дёмкиной. Прибор Дёмкиной? Мама! Ничего себе! Я и не знала. Научилась *вычислять параметры* на огромной сложной гистограмме. Она настолько обветшала – пришлось ее заново начертить. Вот это тоже мне поручили. И потом, через много лет, я сама в своей работе всегда использовала графические способы расчетов.

Потом и Алена стала работать, учетчицей. Младшие, Кира и Млада, в детсад ходили. Но и они работали. Когда ближе к весне картошка кончилась, мы перешли на суп из крапивы. И это они, малыши, Кира и Млада, под водительством Ксаны, обмотав ручки тряпками, отправлялись на сбор крапивы.

Заводская столовая

Единственный нерабочий человек был Володенька. Мама брала его с собой в итээровскую столовую. И делилась с ним своим обедом. Итээров лучше кормили. Они же в обе смены работали!

В первую сарсинскую зиму у нас своей картошки не было. Мы выменивали в деревне. Обедать ходили в столовую. А ложки с собой из дома приносили. В столовой давали суп с галушками. Три-четыре галушки плавали в тарелке, а уж из чего был бульон, неизвестно. Весной я приносила в столовую дикий зеленый лук, целый пучок, и крошила в этот суп. Получался не суп, а «луковый салат» с бульоном вместо сметаны. Потом целый день от меня так луком несло, что ужас. Но ничего не поделаешь... На следующий год, когда своей картошки было много, обедали дома.

Соль, спички, мыло...

Во время войны это были главные *промтовары*. Если в магазинах нет – то и взять негде. Но это мы, городские, привыкли покупать готовенькое. А народная мудрость умела и тут выкрутиться. Носителем этой мудрости была деревенская старуха, баба Дуня, няня нашего маленького Володеньки. Она с нами приехала из Кирова.

Соль. С солью плохо. То есть – без соли нехорошо. Оказывается, что соль – это полезное ископаемое. Ископать его в Сибири негде было, соль раньше на Украине добывали – а там немцы. Завод получал ее из каких-то запасов, потому что соль входит в состав стекла. Ну и дирекция выдавала своим сотрудникам сколько-то соли. Ее ведь не много надо. А в магазинах не было, и население без соли очень страдало.

Спички. Их не было в продаже. И мы, как первобытные люди, старались без них обойтись. Когда печку истопят, угольки в уголок кучкой подгребаем, золой присыпаем, они до утра горячие. Утром достаем пару угольков, к ним подсовываем – нет, не бумажку, бумажек тогда мало было, их берегли для писем! – а сена-соломы. И раздуваем, раздуваем. Соломка вспыхивает, тут тоненьких щепочек, ну и так далее.

Мыло. Вместо него годится щелок. Берется из печки зола, вынимаются все угольки-сучочки, чистая зола завязывается в тряпочку, опускается в горячую воду – и вода становится мыльной! Можно стирать. И самим такой водой мыться. А полоскать белье надо в речке. Понятно почему. Водопровода нет. Летом баба Дуня сама справлялась с полосканием. А зимой, в проруби, она не могла, у нее тогда руки сильно болели. Мы сами полоскали.

Вода. Питьевую воду в большой бочке привозил водовоз. И все жильцы нашего двухэтажного дома получали по несколько ведер. Эта вода из той же самой речки, но ее набирали далеко от поселка. Потому что в поселке ее уже пить нельзя, здесь все ходили белье полоскать. Чистой воды не хватало. За добавочной питьевой водой обычно я ходила. С коромыслом и двумя ведрами. Очень мне нравилось ходить с коромыслом. Тут надо чутко идти, чтобы ведра не раскачивались и вода не расплескивалась. Надо шаги настроить на движение ведер. Это как музыка. Очень интересно.

Немного технологии

Ну, кому про технологию не интересно – пропустите, не обижусь. А мне было жутко интересно. Во-первых, оказывается, стекло варят в глиняных горшках метр высотой и метр в диаметре. Сначала у печки разбирают кирпичную заднюю стенку, потом закатывают туда, ставят на подставку пустой горшок. Для горшка была такая каталка на колесиках, как у нынешних хозяйственных сумок, только размер побольше. Потом снова кирпичную стенку строят, а в горшок через окно насыпают шихту. Это смесь разных веществ: кварцевого песка, соды, соли, сурика и много всякого другого, смотря какой сорт стекла нужно сварить.

Дрова сначала зажигаются в другой печке. Там они не совсем горят, потому что им не дают воздуха. И они превращаются в генераторный газ. Он идет по трубам к той печке, где горшок. Там поддают ему кислорода или даже просто свежего воздуха. И газ этот горит жарко и прямо под горшком. И все эти порошки в горшке тают как сало на сковородке, прямо светятся от жара. Когда стекло нагревается примерно до 600 градусов, оно уже расплавилось, но еще не жидкое, а густое, как мед.

А как измерить такую температуру? Не совать же туда градусник! Он тоже расплавится. Нет, температуру измеряют по цвету и яркости свечения. Это была Юрина работа. Он смотрел на расплавленное стекло через пирометр и по цвету свечения определял – сколько градусов. Когда было 1200, стекло было уже совсем жидкое и светилось как огонь, и его уже можно было легко перемешивать. И вот тогда мастер совал в горшок палец... Не бойтесь, не свой! Это длинная железная *кочерга*. Она внизу загибалась. Называлась «палец». Впрочем, видели вы обыкновенную кочергу?.. Одним словом, мастер совал в горшок этот железный «палец», вынимал его, и на «пальце» оставалось немного стекла. Оно очень быстро остывало, и стеклянную эту сосульку несли к нам в лабораторию. Это уже была наша работа: измерить свойства стекла – такие ли они, какие должны быть у этого сорта. Технологи смотрят на наши результаты и решают, надо ли чего-нибудь досыпать, чтоб подправить свойства. Досыпают, размешивают, мы снова проверяем. Пока стекло не станет таким, как надо. Это еще не вся технология, но для первого раза хватит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.